

<https://doi.org/10.15407/sofs2020.01.108>

УДК 929

А.Г. АЛЛАХВЕРДЯН, кандидат психологических наук,
руководитель Центра истории организации науки и науковедения,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
ул. Балтийская 14, 125315, Москва, Российская Федерация,
ResearcherID (IRID) 145843073
e-mail: sisnek@list.ru

СОВЕТСКАЯ НАУКА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕПРЕССИЙ НАУЧНОГО СОЦИУМА¹

Теме государственной политики в науке СССР и ее общеизвестным достижениям посвящены многочисленные исследования российских науковедов и историков науки, однако негативным, социально-репрессивным аспектам политики управления советской наукой не уделяется достаточно внимания. Репрессии стали одним из основных компонентов научно-кадровой политики государства в сталинскую эпоху. Разумеется, репрессии как антисоциальный феномен затронули не только сферу науки, но и многие другие социальные структуры советского общества, ибо политика репрессий носила общегосударственный и тотальный характер.

Системный анализ развития советской науки, ограниченный лишь ее бесспорно выдающимися достижениями, без осмысления истоков, причин и механизмов действовавшего в тот же период репрессивного государственного аппарата, резко снижает общую достоверность комплексного исследования советской науки. Цель статьи — продолжить осмысление беспрецедентной в истории практики государственных репрессий в системе советской науки, начатое отечественными исследователями преимущественно на рубеже 1980/1990 гг.

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН на 2018—2020 гг. «Исследование исторического процесса развития науки и техники в России: место в мировом научном сообществе, социальные и структурные трансформации, вторая половина XX в» (проект П.23), а также в рамках историко-научной части проекта РФФИ «Новые кадровые тенденции в развитии естественных, технических, социальных и гуманитарных наук: сравнительно-науковедческий анализ за 25 лет постсоветской России», № 17-03-00885.

Цитування: Аллахвердян А.Г., Советская наука и государственная политика репрессий научного социума. *Наука та наукознавство*. 2020. № 1 (107). С. 108—120. <https://doi.org/10.15407/sofs2020.01.108>

В работе использованы опубликованные и архивные документы, касающиеся репрессивных акций сталинского режима в отношении советского общества в целом и его научной системы, сказавшихся, в частности, на судьбе академика П.Л. Капицы — одного из трех репрессированных советских Нобелевских лауреатов по физике. Показаны масштабы репрессий, направленных против ведущих советских ученых — представителей как естественно-технических, так и социально-гуманитарных наук, а также особенности репрессивных механизмов, действовавших в довоенный и послевоенный период. Отмечено, что если в 1930-х годах ученые как правило подвергались арестам и физическим расправам, то после войны над научной системой был установлен тотальный партийный контроль, реализуемый преимущественно через организацию так называемых научных «сессий», выносивших требуемые от них решения по вопросам науки, которые доводились до научных учреждений и университетов. Таким образом, в управлении советской наукой активное поощрение труда ученых сочеталось с репрессиями в их отношении, хотя интенсивность применения последних менялась в различные периоды становления и функционирования советской науки.

Ключевые слова: репрессии, террор, наука, ученые, академик.

Государственная научная политика в СССР и ее достижения стали предметом изучения не только российских, но и зарубежных исследователей², однако социально-репрессивным аспектам политики управления советской наукой не уделяется достаточно внимания. Разумеется, репрессии как особый социальный феномен затронул не только сферу науки, но и многие другие социальные структуры советского общества, включая партийно-государственную элиту СССР. Особую ценность представляют документальные источники, свидетельствующие о систематических репрессивных акциях, их периодизации и механизмах осуществления на протяжении трех десятилетий сталинского режима [2]. Данный фундаментальный труд содержит материалы о массовых репрессиях в 1930-х — 1950-х гг. В научный оборот введены документы ОГПУ, НКВД, МВД СССР, руководящих партийно-государственных органов о планировании, проведении и результатах всех основных репрессивных акций сталинского периода. В этом собрании документов (в семи томах) представлены материалы «об одной из самых крупных и жестоких карательных систем XX в.» [2, с. 33]. В предисловии к первому тому этого издания А.И. Солженицын писал: «Выпускаемый ныне в свет многотомник «История сталинского Гулага» явит собой крупный, ре-

² Согласно результатам социологического опроса, проведенного специалистами США в 1970-х гг. (опрашиваемые — американские ученые), советская наука достигла ряда выдающихся успехов в различных областях науки и техники, в частности в 1) химии твердого тела: «Это область, в которой у Советов «все схвачено, а у США просто провал»; 2) разработке электродуговой сварки: «СССР принадлежит пальма мирового первенства»; 3) разработке электронных материалов: «Советские работы ... находятся на равном, если не превосходящем, уровне по сравнению с нашими»; 4) физике плазмы: «Советские ученые стоят на самом переднем крае в конструировании оборудования и в чистой теории»; 5) теоретической сейсмологии: «Советский Союз был мировым лидером в течение полувека»; 6) исследованиях климата: «СССР — мировой лидер»; 7) теоретической астрофизике: «Общепризнано, что Советские находятся в самом авангарде мировых разработок» [1, с. 7—8].

шающий шаг в систематическом освещении истории коммунистических репрессий в СССР <...> Это — и важнейший вклад в понимание общей истории СССР. Он высвечивает историческую картину, какой до сих пор не было...» [2, с. 23]. Р. Конквест, автор второго предисловия к многотомнику, англо-американский историк и писатель, специалист по истории СССР, писал: «Первый том многотомного издания показывает, как НКВД, по указаниям Сталина, отбирало жертвы для уничтожения или отправки в лагерь. Документы правдиво разоблачают намерения режима: уничтожение слоев населения, сотрудничавших со старыми властями; бывших членов других политических партий; членов религиозных сект; бывших представителей несоветских классов; лиц, занимающихся несоциалистической экономической деятельностью. Все эти категории репрессированных в документальных источниках нередко именовались «антисоветскими элементами» [2, с. 268].

Тоталитарный режим в СССР выступал главным средством поддержания авторитарной личности Сталина, давал ему и его окружению возможность осуществлять непрерывные репрессии, направленные на сокрушение не столько реальных, сколько мнимых противников и еще больше — на поддержание атмосферы всеобщего страха. В одном из основных приказов периода массовых репрессий НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. [2, с. 268—275], подписанных Н.И. Ежовым, сказано: «Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства» [2, с. 269]. Репрессируемые антисоветские элементы разделялись как по вышеуказанным категориям, так и по количественным и географическим показателям. В рассматриваемом приказе было следующее количество подлежащих репрессии людей на территориях бывших советских республик довоенного периода (по рейтингу убывающей численности):

Название советских республик	Число подлежащих репрессиям	Название советских республик	Число подлежащих репрессиям
Российская советская федеративная социалистическая республика	189 600	Грузинская ССР	5 000
Украинская ССР	28 800	Узбекская ССР	4 750
Казахская ССР	17 500	Туркменская ССР	2 000
Белорусская ССР	12 000	Таджикская	1 800
Азербайджанская ССР	5 250	Армянская ССР	1 500
		Киргизская ССР	750

Источник: составлено на основании количественных данных, изложенных в приказе НКВД № 00447 [2, с. 270—271].

В этом же приказе отмечалось, что утвержденные «цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать...» [2, с. 272].

Р. Конквест, анализируя роль приказов репрессивного характера и реализующих их карательных органов, писал, что они «были предназначены для достижения двух целей: тюремной изоляции жертв террора и использования их каторжного труда на стройках советского народного хозяйства. Ни одна из этих целей никогда не упускалась из виду, но в разные периоды баланс изменялся в пользу то одной, то другой. Очевидно, например, что расстрелы в основном взрослых мужчин, многие из которых были специалистами в различных областях, проводились явно не в результате рациональных экономических расчетов.

Не вызывает сомнений, что развитие СССР в целом, особенно начиная с 1929 г., было направлено на революционные преобразования социального и экономического порядка. В связи с этим террор можно понять как сознательное уничтожение или разрушение, исходя из собственных трактовок марксизма, всех тех, кто не подчинялся новому порядку» [2, с. 27].

Власть стремилась распространить новый порядок, включающий репрессивные акции, и на профессиональную группу научных работников, пытаясь трактовать их творческую активность и результативность исключительно с позиций марксистской идеологии как единственно правильной философской концепции. Репрессии в научном сообществе можно рассматривать как частное и специфическое проявление репрессий в советском обществе в период сталинизма. Согласно словарю иностранных слов, репрессия — это «карательная мера, наказание, применяемое государственными органами» [3, с. 527]. Применительно к сообществу советских ученых и с учетом специфики научных исследований используется более широкое толкование понятия «репрессии» как расправы над учеными в самых различных формах. В сталинский период в «науке насаждалось представление, что с самого начала исследования может быть правилен только один путь, одно истинное направление, одна научная школа и, разумеется, только один главный ученый, «вождь» своей науки. Движение науки вперед мыслилось как расправа с теми, кто был не согласен с единственным, изначально правильным направлением. Вместо научной полемики — обличения, разоблачения, запрещение заниматься наукой, а в множестве случаев — аресты, ссылки, тюремные сроки, уничтожение. Уничтожению подвергались не только институты, лаборатории, ученые, научные школы, но и книги, рукописи, данные опытов. Людей преследовали за хранение книг с именами арестованных, за их упоминание в трудах, а с другой стороны, за отсутствие ссылок на «труды корифеев». Последние, как предполагалось и утверждалось, никогда не ошибались, не говорили и не писали что-либо

случайно, без великого смысла. Все это разрослось до масштабов тотальной социальной политики» [4, с. 5].

Довоенный период. Репрессии в научном социуме являются одним из ярчайших примеров социальной турбулентности в советской науке [5, с. 40—69]. Это «уникальный, не имеющий аналогов в мировой истории феномен, — отмечает историк науки И.И. Мочалов. — Вообще говоря, история знала немало репрессивных акций против деятелей науки и культуры, проявлявшихся в самых разных формах, от сравнительно мягких, либеральных до жестких и жестоких, вплоть до физического уничтожения людей <...> Однако, эти акции, при всей их возможной и реальной масштабности, оставались все же относительно локальными и никогда не разрастались до размеров подлинного национального бедствия, как это случилось у нас. Репрессированная наука именно как социальный феномен, как явление, охватывающее собой не только отдельных ученых, а целые науки и научные направления и даже науку в целом (Большую науку), — исключительное «достояние» нашей отечественной истории» [6, с. 189].

Л.Р. Грэхэм отмечает, что в длинном списке ученых СССР, «арестованных и обвиненных в серьезных преступлениях, было немало людей, ставших (либо до, либо после ареста) «звездами первой величины» [1, с. 3], в самых разных, прежде всего в физико-технических, областях научного знания: три физика — лауреаты Нобелевской премии Л.Д. Ландау, П.Л. Капица, А.Д. Сахаров (Л.Д. Ландау был арестован НКВД в 1936 г., но после года пребывания в тюрьме был освобожден по ходатайству П.Л. Капицы; сам Капица после отказа участвовать в советском атомном проекте был на несколько лет помещен под домашний арест; А.Д. Сахаров, главный теоретик советской водородной бомбы, был сослан КГБ в г. Горький, где находился в период 1979—1985 гг.); глава советской программы космических исследований С.П. Королев, руководивший запусками первых в мире искусственных спутников (арестован в 1937 г. и отбывал срок в одном из сталинских лагерей, где многие годы работал над конструированием ракет в специальной тюремной лаборатории («шарашке»); он был реабилитирован лишь после смерти Сталина в 1953 г. и продолжил работу над военными ракетами, ставшими основой космической программы в СССР); выдающийся авиаконструктор А.Н. Туполев (чье имя до сих пор носят самолеты «Ту») провел несколько лет в заключении, работая в конструкторском бюро, созданном НКВД; президент ВАСХНИЛ Н.И. Вавилов (биолог с мировым именем, был арестован в 1940 г. и умер в тюрьме в 1943 г.); директор Пулковской обсерватории Б.П. Герасимович (известный астроном, возглавлял обсерваторию с 1933 г., арестован и расстрелян в 1937 г.); директор Института математики и механики МГУ и президент Московского математического общества Д.Ф. Егоров (занимал эти должности до своего ареста и ссылки в 1930 г., был учителем Н.Н. Лузина и других выдающихся математиков; находясь под арестом, умер в больнице в 1931 г.); директор Ленин-

градского астрономического института В.Н. Нумеров (арестован в 1936 г. и расстрелян в 1937 г.); директор Почвенного института им. В.В. Докучаева Б.Б. Польшин (арестован 11 мая 1937 г. и освобожден 27 марта 1939 г., в 1946 г. избран действительным членом АН СССР.); директор НИИ функциональной диагностики Д.Д. Плетнев (в 1932 г. организовал этот НИИ, 8 сентября 1941 г. был расстрелян); два директора Харьковского физико-технического института (И.В. Обреимов и А.И. Лейпунский были арестованы, но в 1937—1938 гг. освобождены.); директор Украинского института прикладной ботаники А.А. Яната (арестован в 1933 г.); два ректора одного из ведущих инженерных вузов страны — МВТУ имени Баумана (Н.П. Горбунов, бывший личный секретарь В.И. Ленина, арестован и расстрелян в 1938 г., и И.А. Калинин, входивший в группу обвиняемых на процессе Промпартии в 1930 г.); выдающаяся представительница физиологической науки Л.С. Штерн (до революции была первой женщиной, получившей кафедру в Женевском университете; арестована в Москве 28 января 1949 г. и сослана в Казахстан, где пробыла в заключении до смерти Сталина, после чего освободилась и смогла вернуться на прежнее место работы), а также многие другие представители научной элиты [1, с. 4—5]. Даже звание «члена академии наук СССР не служило абсолютным защитным зонтиком — не менее 105 академиков и членов-корреспондентов подверглись арестам, 44 из которых в результате репрессий погибли» [7, с. 468].

Этот список невинных жертв можно долго продолжать, но, ограничившись им, отметим, что репрессии предпринимались против представителей не только естественно-технических, но и социально-гуманитарных наук. В их числе академики С.Ф. Патонов (арестован 13 января 1930 г., сослан на 3 года в Самару, исключен из числа действительных членов АН СССР, умер 10 января 1933 г.); Е.В. Тарле (арестован в рамках «Академического дела» (осень 1929 — зима 1931 г.), вкуче с другими учеными-историками обвинен в заговоре с целью свержения советской власти; несмотря на это и другие «прегрешения», позднее был прощен и даже удостоен Сталинской премии за коллективный труд «История дипломатии»); Н.П. Лихачев (1 декабря 1929 г. был арестован по «Академическому делу», а в августе 1931 г. отправлен на 5 лет в ссылку в Томск, где и умер в 17 июня 1934 г.); член-корр. АН СССР С.В. Рождественский (1 декабря 1929 г. арестован по «Академическому делу», а в августе 1931 г. отправлен на 5 лет в ссылку в Томск, где и умер в 17 июня 1934 г.); вице-президент Украинской академии наук С.А. Ефремов, член-корр. АН СССР (по отделению общественных наук); Б.М. Гессен, (советский физик, философ и историк науки, арестован в августе и расстрелян в декабре 1936 г.) и многие другие [1, с. 5].

Среди репрессированных ученых особо хотелось бы выделить двух крупных представителей гуманитарных наук: академика АН СССР Д.С. Лихачева (1906—1999) (арестован 8 февраля 1928 г., осужден на 5 лет за контрреволюционную деятельность; до ноября 1931 года — политзаключенный

в Соловецком лагере особого назначения, досрочно освобожден в 1932 году «за успехи в труде»; впоследствии — автор фундаментальных трудов, посвященных истории русской литературы и культуры, в 1986—1993 гг. — председатель правления Советского (Российского) фонда культуры) и почетного академика Российской академии образования (РАО) М.Г. Ярошевского (аспирант Государственного института психологии, арестован по доносу 9 февраля 1938 г., а 23 мая 1939 г. освобожден без объяснений причин ареста и выдачи соответствующих документов или справок). Их объединили два важнейших события в их личной трагической судьбе: 1) оба были репрессированы в 1930-х гг. по надуманным предлогам, 2) оба в начале 1990-х гг. приняли деятельное участие в подготовке и издании двухтомной монографии «Репрессированная наука» (1991, 1994) — первой фундаментальной работы по исследованиям феномена репрессий в истории отечественной науки. Хорошо известно, что миллионы граждан Советского Союза стали жертвами сталинских репрессий в сфере политики, экономики, культуры, науки. В предисловии к монографии С.Д. Лихачев писал: «Можно ли исчислить жертвы только числом расстрелянных и замученных человеческих душ? Сколько было «побочных» жертв! Упала рождаемость, стар и млад умирали от нужды и неустроенности, от душевного гнета и невозможности заниматься делом, к которому люди чувствовали призвание. Сколько в зародыше погибло плодотворных идей, сколько талантливых людей не могли пробиться к научной работе, получить образование по причине «неудовлетворительности» своих анкетных данных, сколько талантливых людей отказались заниматься наукой, ушли в более «безопасные» области деятельности!» [4, с. 6].

Послевоенный период. Прошедшие войну фронтовики, работники тыла, многострадальный советский народ — все вздохнули с облегчением. Долгожданный мир, замечательный период краткого радостного расцвета вселил надежду на лучшее будущее, однако длился он всего около двух лет, до осени 1947 г., оказав сильное воздействие на развитие всех слоев населения, включая научную интеллигенцию.

Несомненно, пик репрессий пришелся на довоенный период, прежде всего на 1937—1938 гг., но и в послевоенный период сталинская «машина террора» в обществе продолжила действовать, хотя и в иных формах и в менее жестоких проявлениях. Наступил 1948 г., и, как отмечал отмечал биофизик, профессор, историк советской и российской науки С.Э. Шноль, возобновились «аресты ранее репрессированных и начались новые аресты, в том числе бывших фронтовиков и «излишне смелых и самобытных». Но <...> эти два года (1945—1947) сохранили, пусть не в целом, а отдельными островками, наследие прошлого. Поколение послевоенной интеллигенции, поколение студентов и аспирантов <...> составило основу регенерации нервной системы общества после террора прошедших десятилетий и партийно-государственного «руководства» наукой» [8, с. 27]. По его же сло-

вам, «после войны народ-освободитель осмелел — нужно было поставить его на место» [8, с. 9].

В послевоенный период «Сталин и его партийные соратники продолжали держать под «неусыпным контролем» развитие отечественной науки и судьбы ученых. Бесцеремонно вторгаясь в развитие различных областей научного познания, Сталин не ограничивал себя идеологическими запретами. Ведущие специалисты были лишены права выступать экспертами в решении научных вопросов, а векторы развития науки, ее финансирование и руководство направлялись сообразно сталинским запретам. Безусловная подчиненность сталинским приказам заменила логику развития научных дисциплин. Трагизм ситуации усугубился введением настоящего террора против ученых в стране» [9, с. 10]. Если же какие-то значимые научные направления в гуманитарных или естественных науках оказывались в «немилости» вождя, они становились объектом удушающего партийного контроля. Достаточно представить себе подобный контроль «над исследованиями в области экономики, истории, этнографии, филологии, географии. Не меньше этот удушающий контроль был в биологии, химии, физике <...> Для уничтожения целых научных направлений собирали «сессии» — конференции с участием членов академии и профессоров. Там по указанию и под контролем партийный «вождей» произносили доклады доверенные лица из числа пошедших на это ученых. В этих докладах обличали «буржуазную реакционную науку и ее апологетов» — как правило, наиболее активных и выдающихся научных деятелей. После чего публиковали резолюции этих «сессий» в печати или рассылали их в виде закрытых, т. е. секретных писем от имени ЦК КППСС по научным учреждениям и университетам. И <...> плохо было тем, кто не сразу изменял свои убеждения, публично отрекаясь от истинной науки» [8, с. 20].

Сталинские репрессии были направлены не только против целых научно-дисциплинарных сообществ, но и их конкретных представителей, как правило крупных авторитетных ученых, которые не подчинялись давлению государственных органов и их руководителей. Как отмечал академик Д.С. Лихачев, расправа с учеными выражалась не только в жестоких (арестах, ссылках, тюремных сроках, расстрелах), но и в более «мягких» формах (обличениях, разоблачениях, ограничениях и запрещениях) [4, с. 5].

Драматическая судьба академика П.Л. Капицы. Прежде чем остановиться на послевоенном периоде профессиональной деятельности П.Л. Капицы, вкратце опишем довоенный период его научной активности. Он родился 9 июля 1894 г. в семье военного инженера. Интерес к науке он начал проявлять на кафедре А.Ф. Иоффе на электромеханическом факультете Петроградского политехнического института, который окончил в 1918 г. После серии оригинальных публикаций, получивших высокую оценку коллег, в 1921 г. Капица был командирован для научной работы в Англию, где длительное время работал в Кавендишской лаборатории Кембриджского

университета, которую возглавлял Э. Резерфорд [10, с. 5]. В 1928 г. Капицей открыт закон, установивший зависимость электрического сопротивления поликристаллических металлических образцов, находящихся в сильных магнитных полях, от напряженности магнитного поля (закон Капицы). В следующем году он избран действительным членом Лондонского королевского общества (Британская академия наук), а в 1930 г. назначен профессором-исследователем Королевского общества и директором Мондовской лаборатории при Кембриджском университете. Важно подчеркнуть, что Капица, находясь вдали от СССР, занимался не только повышением индивидуальной научной квалификации. Пребывая многие годы в Англии, Капица поддерживал постоянный контакт с родиной. «По-видимому, не будет преувеличением сказать, что все эти годы он фактически исполнял обязанности советского научного полпреда на Западе. Немало московских и ленинградских молодых ученых благодаря его ходатайствам получили стипендию Рокфеллеровского фонда и смогли пройти стажировку в ведущих научных центрах Западной Европы. Кавендишская лаборатория была открыта для советских физиков, и в этой лучшей в те годы физической лаборатории мира продолжительное время работали Ю.Б. Харитон, К.Д. Синельников, А.И. Лейпунский» [11, с. 6].

В августе 1934 г. П.Л. Капица как обычно приехал на Родину повидать близких и посетить в качестве консультанта физико-технический институт в Харькове, а в конце сентября узнал об официальном запрете вернуться в Англию. Для него наступил один из самых драматических периодов в его профессиональной и личной жизни. Его референт П.Е. Рубинин, работавший с ним долгие годы, писал, что 1935 год был самым трудным в жизни Капицы. «Порою даже кажется, что он был на грани нервного заболевания. Больше всего Капица страдает из-за того, что не может «копошиться в своей лаборатории» [11, с. 7]. Но несмотря на выпавшие на его долю испытания и страдания, Капица, при содействии власти, за четыре года (1934—1938), все-таки создал «с нуля» Институт физических проблем [12, с. 655], где он, наконец, получил возможность продолжить научные исследования.

С самого начала работы Институт физических проблем занимался физикой низких температур. Именно здесь были созданы первые установки по сжижению газов, которые так сильно помогли во время войны, здесь Капица открыл сверхтекучесть, за которую через много лет, в 1978 г., получил Нобелевскую премию. Но в 1945 году, ввиду отказа Сталину заниматься атомным проектом и последовавшего затем конфликта с Берия, он попал в опалу. Капица пробыл в опале девять лет, в это время он в основном жил на даче в Николиной Горе, где продолжил активную научную деятельность. И только после смерти Сталина Петр Леонидович был реабилитирован (в 1955 г.) в глазах научной общественности и восстановлен в должности директора Института физических проблем.

В заключение отметим, что у каждого из репрессированных советских ученых была своя неповторимая личная и профессиональная судьба, однако объединяет их то, что в мирное время они незаконно подвергались советской властью жестоким наказаниям и расправам за «научно-творческое инакомыслие» и ложно приписываемое им участие в политических организациях антигосударственной направленности. Трудно не согласиться с тем, что тема репрессированных наук и ученых наряду с историко-научным имеет важный социально-этический аспект как часть более широкой проблемы взаимоотношения науки и власти. Парадокс: власть, испытывающая потребность в результатах научного труда, в процессе своей эволюции может не просто приносить в жертву науку, а организационно противодействовать развитию знания. Разумеется, это наблюдается не всегда и не везде [13, с. 5]. Но в управлении советской наукой активное поощрение труда ученых откровенно сочеталось с репрессиями в их отношении, хотя интенсивность применения последних в социально-научной среде менялась в различные периоды становления и функционирования советской науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грэхэм Л.Р.³ Устойчива ли наука к стрессу? *Вопросы истории естествознания и техники*. 1998. № 4. С. 3—172.
2. История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. / Массовые репрессии в СССР / Отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. Отв. сост. И.А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2004. 728 с.
3. Современный словарь иностранных слов. СПб.: Дуэт, 1994. 752 с.
4. Лихачев С.Д. Предисловие к монографии «Репрессированная наука» / Ред. М.Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991. С. 5—6.
5. Батурин Ю.М., Кузнецова Н.И. Методология исторического исследований социальной турбулентности // Вихревая динамика развития науки и техники. Россия/СССР. Первая половина XX века: в 2 т. Том 1: Турбулентная история науки и техники / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.М. Батурин; Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. М.: ИИЕТ РАН, Саратов: ООО Амирит, 2018. С. 40—69.
6. Мочалов И.И. Репрессивная наука: становление феномена // Подвластная наука. Наука и советская власть. Рос. акад. наук, Ин-т философии / Сост., науч. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. М.: Голос, 2010. С. 189—226.
7. Томилин К.А. Физики и борьба с космополитизмом // Подвластная наука? Наука и советская власть / Ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. М.: Голос, 2010. С. 468—546.
8. Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010. 720 с.
9. Сойфер В.Н. Сталин и мошенники в науке. М.: Добросвет, 2012. 504 с.
10. Боровик-Романов А.С. Предисловие к книге Капица П.Л. Эксперимент. Теория. Практика. М.: Наука, 1977. С. 5—10.

³ Американский исследователь, широко известный многими фундаментальными работами в области истории науки. Центральное место среди них занимают исследования истории науки в СССР.

11. Рубин П.Е. Предисловие к книге П.Л. Капица. Письма о науке. 1930—1980. М.: Московский рабочий, 1989. С. 3—14.
12. Есаков В.Д., Рубин П.Е. Капица, Кремль и наука: в 2 т. Т. 1. Создание Института физических проблем. 1934—1938 гг. М.: Наука, 2003. 655 с.
13. Мелуа А.И. От редактора-составителя к книге «Репрессированная наука». Выпуск II / Под общей ред. проф. М.Г. Ярошевского. СПб.: Наука, 1994. С. 5—6.

Получено 20.09.2019

REFERENCES

1. Graham, L.R. (1998). Is science resistant to stress? *Studies in the History of Science and Technology*, 4, 3—17 [in Russian].
2. Werth, N., Mironenko, S.V. (Eds.) (2004). The history of the Stalinist Gulag. The end of the 1920s — the first half of the 1950s. (Vols. 1—7). *Mass repressions in the USSR*. Moscow: ROSSPEN, vol. 1, 728 [in Russian].
3. (1994) *Modern dictionary of foreign words*. St. Petersburg: Duet, 752 [in Russian].
4. Likhachev, S.D. (1991). *Preface to the monograph "Repressed Science"* (pp. 5—6). Yaroshevsky M.G. (Ed.). Leningrad: Science [in Russian].
5. Baturin, Y.M., Kuznetsova, N.I. (2018). Methodology of historical research of social turbulence. *Vortex dynamics of the development of science and technology. Russia/USSR. The first half of the twentieth century*. (vols. 1—2). *The turbulent history of science and technology*. (vol. 1) (pp. 40—69). Saratov: Amirit [in Russian].
6. Mochalov, I.I. (2010). Repressive science: the formation of the phenomenon. *Science under control. Science and Soviet power*. Neretina, S.S. Cucumbers, A.P. (Eds.). (pp. 189—226). Moscow: Golos [in Russian].
7. Tomilin, K.A. (2010). Physics and the fight against cosmopolitanism. *Science under control. Science and Soviet power*. Neretina, S.S. Cucumbers, A.P. (Eds.). (pp. 468—546). Moscow: Golos [in Russian].
8. Shnol, S. E. (2010). *Heroes, villains, conformists of domestic science*. Moscow: Book House "LIBRICOM", 720 [in Russian].
9. Soifer, V.N. (2012). *Stalin and scammers in science*. Moscow: Dobrosvet, 504 [in Russian].
10. Borovik-Romanov, A.S. (1977). *Preface to the book "Kapitsa P.L. Experiment. Theory. Practice"*. (pp. 5—10). Moscow: Nauka [in Russian].
11. Rubin, P.E. (1989). *Preface to the book "P.L. Kapitsa. Letters about science. 1930—1980"*. (pp. 3—14). Moscow: Moskovskiy rabochiy [in Russian].
12. Esakov, V.D., Rubin, P.E. (2003). *Kapitsa, Kremlin and science. Creation of the Institute of Physical Problems. 1934—1938*. Moscow: Nauka, 655 [in Russian].
13. Melua, A.I. (1994). *Article of the editor-compiler to the book "Repressed Science"*. Yaroshevsky M.G. (Ed.). (pp. 5—6). St. Petersburg: Nauka [in Russian].

Received 20.09.2019

A.G. Allakhverdyan, PhD (Psychology),
head of the Center for the History of Organization of Science and Science Studies,
Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences,
Baltiyskaya str., 14,125315, Moscow, Russian Federation,
ResearcherID (IRID) 145843073,
e-mail: sisnek@list.ru

THE SOVIET SCIENCE AND THE STATE POLICY OF REPRESSIONS OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY

Numerous studies of Russian science scholars and historians of science have been devoted to the topic of state policy in the USSR Science and its well-known achievements. However, not enough attention has been paid to the negative, repressive aspects of the Soviet policy of managing science. Repressions became one of the main components of the scientific and personnel policy of the state in the Stalin era. Of course, being of national and total nature, Soviet repressions as a special social phenomenon affected not only the sphere of science, but also many other social structures of the Soviet society.

A system analysis of the Soviet science development, limited by its undeniably outstanding achievements, without understanding the origins, causes, and mechanisms of the repressions carried out by the state apparatus of that time, sharply reduces the overall reliability of a comprehensive study of the soviet science system. The purpose of our study is to continue rethinking the unprecedented practice of official repressions within the soviet science system, started by domestic researchers mainly at the turn of 1980/1990.

The analysis is based on published and archival documents related both to repressive actions conducted towards the Soviet society as a whole, and the specifics of their manifestation in the scientific community, affecting, in particular, the fate of Academician P.L. Kapitsa, one of the three repressed Soviet Nobel laureates in physics. The scales of repressions against outstanding soviet scientists representing natural, technical, social and humanitarian disciplines are demonstrated; the peculiarities of repression mechanisms operated in prewar and postwar period are highlighted. It is argued that while in 1930s scientists tended to be arrested or put to death, after the war the science system was made subject to total party control implemented mainly through summoning the so called scientific “sessions” taking the decisions on the science system, expected by the top party offices, which would be conveyed as compulsory ones to research institutions and universities. To sum up, extensive stimuli to researcher’s work used to be combined with repressions of researchers, although the intensity of repression practices was different in various periods of formation and operation of the soviet science system.

Keywords: *repressions, terror, science, scientists, academician.*

A.Г. Аллахвердян, кандидат психологічних наук,
керівник Центру історії організації науки та наукознавства,
Федеральна державна бюджетна установа науки
Інститут історії природознавства і техніки ім. С.І. Вавілова РАН,
вул. Балтійська 14,125315, Москва, Російська Федерація,
ResearcherID (IRID) 145843073,
e-mail: sisnek@list.ru

РАДЯНСЬКА НАУКА І ДЕРЖАВНА ПОЛІТИКА РЕПРЕСІЙ НАУКОВОГО СОЦІУМУ

Темі державної політики в науці СРСР та її загальновідомим досягненням присвячені численні дослідження російських наукознавців та істориків науки, проте негативним,

соціально-репресивним аспектам політики управління радянською наукою не приділяється достатньо уваги. Репресії стали одним з основних компонентів науково-кадрової політики держави в сталінську епоху. Звичайно, репресії як антисоціальний феномен зачепили не тільки сферу науки, а й багато інших соціальних структур радянського суспільства, бо політика репресій носила загальнодержавний і тотальний характер.

Системний аналіз розвитку радянської науки, обмежений лише її безперечно видатними досягненнями, без осмислення витоків, причин і механізмів репресивного державного апарату, який діяв у той самий період, різко знижує загальну достовірність комплексного дослідження радянської науки. Мета статті — продовжити осмислення безпрецедентної в історії практики державних репресій у системі радянської науки, розпочате вітчизняними дослідниками здебільшого на рубежі 1980/1990 рр.

В роботі використано опубліковані та архівні документи, що стосуються репресивних акцій сталінського режиму щодо радянського суспільства в цілому і його наукової системи, які позначалися, зокрема, на долі академіка П.Л. Капіци — одного з трьох репресованих радянських Нобелівських лауреатів із фізики. Показано масштаби репресій, спрямованих проти провідних радянських учених — представників як природно-технічних, так і соціально-гуманітарних наук, а також особливості репресивних механізмів, що діяли в довоєнний та післявоєнний період. Зазначено, що якщо в 1930-х роках учені як правило піддавалися арештам і фізичним розправам, то після війни над науковою системою було встановлено тотальний партійний контроль, що реалізовувався передусім через організацію так званих наукових «сесій»; останні виносили потрібні від них рішення з питань науки, які доводилися до наукових установ і університетів. Отже, в управлінні радянською наукою активне заохочення праці учених поєднувалося з репресіями стосовно них, хоча інтенсивність застосування останніх мінялася в різні періоди становлення і функціонування радянської науки.

Ключові слова: *репресії, терор, наука, вчені, академік.*